

ЖИЛА-БЫЛА

(Продолжение. Начало в № 243).

Крестьяне, растерявшие все свое богатство, выселенные из родовых мест, не смели роптать ни на власть, ни на бога, давшего этой власти право на их разорение и ссылку. Они смиренно переносили все тяготы и невзгоды, надеялись, что отработают свое, за это время все устроятся. Но то особое, принудительное и закрепощенное состояние, которое пришло к ним, разрушило все их надежды. Поскольку в те времена демонстрации были только праздничные, то выразить свое возмущение «закрепощенным» люди не могли. В те годы не приходилось рассуждать о несправедливости. Диктаторская власть не позволяла. Роптать на судьбу боялись.

Переселение крестьян нельзя объяснить ни юридически, ни морально. Какая уж там мораль! Мораль была заменена бесправием людей.

Места близ Большого Шинима глухие, крутом болотистые низины, дорог нет. Одним словом, гиблое место. Чтобы попасть в Билимбай или Пальники, Коуровку, стелли «лешку» — прокладывали из бревен и толстых досок дорогу по болоту. Летом по такой дороге худо-бедно можно пробраться на телеге, чтобы привезти необходимые продукты.

ОБЖИВАЛИСЬ НА НОВОМ МЕСТЕ основательно. Первым делом проявили заботу о детях — построили четырехклассную школу. Затем хлебопекарню, магазин. Потом стали ставить срубы, постепенно переселялись из барачков в свои дома. Набы поднимали сообща, всем миром. Потому и строительство шло быстро. Строили после работы, по выходным дням. Среди переселенцев не было лодырей. Доски пилили из круглого леса вручную. Титанический труд! Механизации никакой.

Мужики и женщины работали на лесоповале, врызались в тайгу. Основным занятием их были лесозаготовки, выжог угля, и стало быть, — самым тяжелым. От надсадной тяжелой работы многие заработали грижу. А как предполагает простой народ, неаристократическая эта болезнь заволится не от курортной жизни или безделья. От тяжелой работы и плохой пищи на людей напала хворь. Настоящие труженики остались на погосте...

Может, расчет был на уничтожение спецпереселенцев на тяжелой работе — это чудовищный беспощадный план излома человека! Ведь работали в глухомани и в жару, и в мороз. Сосны трещали от лютого холода, а люди шли в лесные делянки работать. Таскать, пилить, штабелевать ядреный кругляк непросто. Не каждый выдержит, и из леса не уйдешь. Убежишь — словать статью припишут, сошлют в места, куда Макар телят не тоял.

Наперекор судьбе люди, привыкшие к труду, не пали духом. Мужики, в работе истовые, выходных не знали.

ДЕРЕВНЯ КРУТАЯ

* Из истории родного края

пине, самоотверженно тонули груз. Иначе нельзя. Трудились ради живота своего. За невыполнение норм увеличивали размер семейного пайка. Не было у крестьянина выбора, как в труде утолить свою обиду за беззаконие и произвол сверху. Хотя дневная норма — 4 кубометра на поперечную пилу — довольно высокая, они ее перевыполняли. (Лесоповал и распиловка производились только поперечной пилой вручную, — ириш Ю. Д.). Работали не на страх, а на совесть. Лес рубили дентами, похозяйски относились к зеленому другу. Думали о воспроизводстве леса за счет самосева. Это теперь лес изводится подчистую, ведется сплошная рубка, потом расходуется немалые деньги и рабочая сила на посадку саженцев. Тогда малограмотные мужики были более расчетливы.

Всю зиму переселенцы рубили лес. По глубокому снегу накатили санные дороги, по ним везли бревна к берегу Большого Шинима. Здесь стояло двенадцать углевыжигательных печей. В них томили древесный уголь, который возили в Билимбаевский завод.

Подошла весна. С гор и хосогоров побежали стремительные ручьи. Большой Шиним поднял ледовый паншир, влочал его. Когда река освободилась ото льда, мужики сплавляли лесины по Шиниму и Чусовой до Старой Утки, где выжог угля производился в 80 печах. Долгое время староуткинская долина работала на древесном угле.

— После сплава в мае мужики вновь брались за пилу, рубили лес, — рассказывал ныне уже покойный Николай Егорович Егоров — Я работал в паре с Павлом Ивановичем Снегиревым. Однажды после сплава леса за 14 выходов нарубили 98 кубометров...

Я ПРИКНИВ У ВРАБОТКУ: получилось по 7 кубометров на пилу в день. И вся работа произведена вручную! Как видно, и среди спецпереселенцев были ударники и стахановцы!

В страшную пору поселенцы брались за косу, в мужиковской душе поднималось извечное — к земле приглядывались, к травам прихаживались. И падали сочные, пахучие и росистые травы. Поселенцы Крутой оказывали помощь колхозам в заготовке сена. Они косили, стогавали и передавали стога по акту. Зимой, когда морозы саватьявали болото, сено вывозили к колхозным дворам. Опять же эту работу выполняли спецпереселенцы.

Не только отцы и матери гнули спину на лесоповале. Малолеткам тоже доставалось. Они помогали по хозяйству, впрок собирали грибы и ягоды, ловили в Шиниме рыбу — все подспорье. Папка хлалало недосата. Старики, что не могли уже работать в лесу, не сидели без дела. Из ивняка изготовляли «морды» — ловушки для рыбы, из липы плели крестьянскую обувь — лапти. Другой обуви у переселенцев не было. Ведь их пригнали в тайгу почти разутыми...

Спецпереселенцы трудились с полной отдачей сил. Заработали достаточно денег. По разрешению команданта со специальными пропусками мужики съездили в родные деревни, из которых были выселены, купили коров, привезли их в Крутой. И снова «раскулаченные» обзавелись хозяйством. Стали жить по-крестьянски. В 1936 году в Крутой насчитывалось более ста голов крупного рогатого скота, Пускай не было волюности, зато стали жить сытно, спокойно. Работящий мужик выкарабкался из нужды, своим трудом создал сытную жизнь. А что жил в глуши, так с одной стороны служил властям, но держаться подальше от власти — стало правилом.

Как бы то ни было трудно: в этой глуши ни газет, ни радио, ни электричества; жили в тиши, при лучине коротали длинные зимние вечера, — а жизнь кипела в деревне. Люди обжились на новом месте, рожали детей. Подрастало новое поколение, еще не познавшее, что с илеи оно в числе ссыльных, бесправных...

Росточки новой жизни пустил и Николай Егоров. Двух сыновей поднимал, да одного бог прибрал. В той Крутой от тяжелой жизни многие остались на погосте...

Великая Отечественная война опалила своим дыханием и жителей деревни Крутой. В глухую тяжкую деревенку докатились отзвуки страшной битвы. На продукты питания ввели карточки. Введение нормированного распределения продуктов резко отразилось на лесозаготовителях. Хотя каждый имел огород, однако в хлебном пайке они стали ощущать недостаток. При тяжелой работе требовалось больше хлеба, чем выдавали по карточке...

Первоначально спецпереселенцев не призывали в армию, отказывали и добровольцам. По всей видимости,

власти не доверяли «раскулаченным», не надеялись на их преданность. Но фронт требовал пополнения армии людскими резервами. И в конце 1942 года три десятка крутихинских мужиков были призваны на защиту страны. Не все из них вернутся в Крутой, но каждый выполнит свой долг сполна, не посрамит своей родо-словной.

Еще более десятка лет после войны будут жить в глуши семьи бывших спецпереселенцев. И лишь в конце пятидесятых годов придет долгожданное известие о свободном переселении.

ДЕРЕВНЯ ПРЕВРАТИЛАСЬ в неперспективную. В бассейне Большого Шинима лес вырубали. А тут раскулаченным «всероссийное» вышло. Одни за другим жилили выбирать из таежной глуши, перевозили дома в другие населенные пункты, поближе к людям — в Коуровку, Прогресс и другие. К шестидесятым годам от деревни Крутой, кроме названия места, ничего не осталось.

Деревня Крутая — родина поколений тридцатых-пятидесятых годов. Она живет в памяти тех, кто родился и вырос в тайге, на берегу Большого Шинима, с детства познав жизнь в неводе.

Мне вспомнился Николай Егорович Егоров. Отгремела, отпыхнула ярким сполохом его жизнь. Но не дочела бесследно — продолжается в сыне и во внуках тоже и в том, что сумели сотворить его сильные когда-то руки. Более десятка лет назад мне довелось познакомиться с его сыном Михаилом Николаевичем Егоровым. Тогда он работал в Билимбаевском лесхозе. Трудный путь прошел воспитанник деревни Крутой. С детских лет Михаил полюбил лес и связал свою жизнь с лесом.

Получив начальное образование в крутихинской школе, Михаил продолжил учебу в Коуровке, потом в Билимбае, где получила аттестат зрелости. После окончания Уральского лесотехнического института он работал в Билимбаевском лесхозе, собрал интересный материал о лесе и успешно защитил диссертацию, получил степень кандидата сельскохозяйственных наук. Теперь он работает в Воронежском научно-исследовательском институте селекции и генетики леса. И в уральской глуши рождаются и вырастают талантливые люди!

ХОТЕЛОСЬ БЫ РАССКАЗАТЬ о других жителях деревни Крутой, но скучно данные. По разным населенным пунктам разбегались крутихинские воспитанники, их след затерялся. Однако автор не теряет надежды, что, прочитав краткую историю деревни Крутой, кто-то откликнется, напишет. Не следует утруждать себя обязательным описанием событий, происшедших в деревне. Сообщите в редакцию свой адрес, и автор будет благодарен за встречу. Ваши воспоминания помогут довести историю исчезнувшей деревни. Надеюсь, что в Первоуральске живут представители бывшей деревни Крутой и не откажут мне в помощи.

ЮРИЙ ДУНАЕВ, краевед.